

«Бесплатный сыр в мышеловке» или «кабальное проклятие»?

А.А. АЙРИЯНЦ, Д.Е. КАРЕВА, М.Е. МОРОЗОВА, С.И. ОНЕНКО,
Д.М. ПРОХОРОВА, А.Д. САВЕЛЬЕВА, Е.В. ЧЕРНЫХ,
Новосибирский государственный университет

«Ресурсное проклятие» – явление, приводящее к нерациональному пути развития стран, обладающих большими запасами сырья. Явление, которое сбивает с толку ученых и теоретиков, вызывает огромное количество споров и разногласий. Но, на поверку, все же является ли это «проклятие» ресурсным? Или есть некая «сила свыше», вызывающая этот феномен?

Ключевые слова: ресурсное проклятие, сырьевые ресурсы, нефть, экономический рост, демократия, авторитаризм, институты, экономическая и политическая зависимость, энергетическая сверхдержава

Небольшое предисловие редактора

Публикация представляет собой «коллективный» труд студентов и магистрантов экономического факультета Новосибирского государственного университета – слушателей факультатива «Экономические проблемы нефтегазового сектора», каждому из которых было предложено написать небольшое эссе на тему о так называемом «ресурсном проклятии». Идейной «затравкой» для сочинений стали две статьи, содержащие почти диаметрально противоположные взгляды на ключевую проблему развития ресурсозависимых экономик¹.

Приведенные ниже фрагменты студенческих работ даны в авторских формулировках с некоторыми сокращениями и минимальными редакционными правками. Курсивом выделены комментарии редактора.

¹ *Гуриев С., Сонин К.* Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. – 2008. – № 4. – URL: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/p4_2008.html; *Шмат В.В.* «Проклятие институтов» в сырьевой экономике // Институциональная трансформация экономики: условия инновационного развития: сб. статей по материалам III Междунар. науч. конф. (Новосибирск, 24–26 окт. 2013 г.) / Отв. ред. Г.П. Литвинцева. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. – С. 208–215.

Если об этом говорят, значит, это актуально

Популярность этой темы вызвана ее чрезмерной политизированностью. Пишут либо, что в стране, опирающейся на экспорт ресурсов, невозможно построить современную сильную экономику, а авторитаризм – так уж само собой разумеющееся благо; либо, что первая точка зрения – «чушь чешуйчатая» (С. Оненко).

«Ресурсное проклятие» – фундаментальный фактор, в значительной степени обуславливающий как экономические, так и социальные, политические процессы; или идеологический миф, призванный скрыть как эксплуататорскую природу капиталистической «мир-экономики», так и неэффективность функционирования политической власти? Нам предложено проанализировать две статьи, представляющие противоположные позиции и оценки, аргументированные результатами серьезных межстрановых исследований с использованием эконометрических методов (Д. Карева).

Что такое «ресурсное проклятие» и каковы его механизмы?

Идея ресурсного проклятия была впервые выдвинута в 1993 г. английским экономистом Ричардом Оти, который в своей книге «Как поддержать развитие сырьевых экономик: гипотеза ресурсного проклятия»² на примере Перу, Боливии, Ямайки, Чили, Замбии и Папуа – Новой Гвинеи развенчал популярный тезис о том, что для успешного экономического развития страны нужны сырьевые ресурсы (Е. Черных).

До сих пор среди экономистов нет единого подхода к определению механизма «ресурсного проклятия». Часть из них исходят из того, что высокая волатильность мировых цен на сырье делает ВВП и доходы бюджета сырьевых стран мало предсказуемыми, а это мешает добиться долгосрочного стабильного роста. Так, падение мировых цен на нефть сделало неизбежным кризис 1998 г. в России, а их последующий рост до небывалых значений привел к удорожанию рубля и снижению конкурентоспособности российской промышленности... Часто

² *Auty Richard. M. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis. – London: Routledge, 1993. – P. 282.*

обсуждаемый эффект «ресурсного проклятия» – так называемая «голландская болезнь», представляющая собой негативный эффект, оказываемый укреплением реального курса национальной валюты на экономическое развитие в результате бума в добывающем секторе (*А. Савельева*).

Фиксация «ресурсного проклятия» как особого экономического явления идентифицируется только в случае наличия признаков слабых институтов (прежде всего, политических) в стране, что В.М. Полтерович³ предлагает называть «условным проклятием», а В.В. Шмат – «проклятием институтов». В странах с развитыми институтами нефтяное богатство не влияет или влияет положительно на экономический рост, а в стране с неразвитыми институтами погоня за рентой вызывает замедление развития или деградацию институтов, что отрицательно отражается на экономическом росте. Действительно, рентиориентированное поведение с индивидуальной максимизацией доли ренты порождает расцвет коррупции, ведет к пренебрежению законами, нарушению норм и правил, игнорированию рациональных (по меркам требований рынка и демократическим нормам) правил поведения. При этом правительство чаще всего занимает позицию стороннего наблюдателя, не будучи способным или же намеренно не желая осуществлять необходимые меры. Таким образом, обилие ресурсов, при прочих равных, портит качество институтов.

Понятно, что такая несостоятельность рынка требует государственного вмешательства. Однако низкое качество институтов, характерное для не обделенных ресурсами экономик, приводит к неэффективности вмешательства государства, в чем, собственно, и заключается фундаментальное противоречие... (*А. Айрияни*).

Существуют и другие механизмы проявления «сырьевого проклятия». В частности, многие гражданские конфликты XX века были вызваны именно попыткой захватить контроль над сырьевой рентой. В некоторых случаях борьба за ренту порождает коррупцию в бизнесе и государстве, что существенно искажает размещение ресурсов в экономике, а также вызывает отсутствие у государства стимулов к проведению необходимых

³ Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. – 2007. – № 6. – С. 9. – URL: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n6_2007.html.

для экономического развития реформ (либерализации торговли, повышения эффективности госаппарата). В России на фоне сверхвысоких цен на нефть полностью замерли структурные реформы (А. Савельева).

Если говорить о политических механизмах «проклятия», то чаще всего их напрямую связывают со степенью демократичности государства. С одной стороны, расцвет тоталитаризма часто возникает при избытии ресурсов. Слияние капитала и власти, иначе говоря, олигархия, поддержка в устойчивом состоянии недемократичных режимов (путем, например, подкупа населения или «пропагандства») ведет к политической незрелости общества. Снижается качество человеческого капитала, население становится менее грамотным и в большей степени доверяющим – создаваемая таким образом и искусственно поддерживаемая... нестабильность в обществе ведет к отрицательным эффектам обладания ресурсами (А. Айриянц).

Авторы подходят к любимой теме сторонников теории «ресурсного проклятия» – недемократичности стран, обладающих значительными сырьевыми ресурсами. Отсюда – и «проклятие ресурсов».

В то же время авторы (Гуриев, Сонин. – *Прим. ред.*) подвергают сомнению значимость гипотезы о так называемой «голландской болезни». Причинно-следственной связи между ростом мировых цен на экспорт ресурсов и спадом промышленного производства, по их мнению, нет – точнее, возможны иные объяснительные модели. Еще один аспект «условности проклятия» – слабость-сила политических и экономических институтов: отрицательная связь характерна для стран с плохими институтами. Причем плохие институты – авторитаризм; хорошие – либеральная демократия.

Можно, следовательно, предположить обратное – если в стране X демократический политический режим, то и «ресурсное проклятие» не действует, демократия сама по себе – своего рода «лекарство от сглаза». К. Цуй утверждает, что открытие ресурсов в 100 млрд баррелей обуславливает снижение показателей демократии на 30%⁴ (Д. Карева).

⁴ Tsui K. More Oil, Less Democracy? Theory and Evidence from Crude Oil Discoveries / Mimeo. University of Chicago, 2005. – Цит. в статье Гуриева – Сонины.

Авторы точно подмечают политизированный характер формулировок «условной» версии гипотезы «ресурсного проклятия», выражающийся в несложном противопоставлении «хорошего» и «плохого» – либеральной демократии и авторитаризма. Последний якобы почти неизбежно порождается ресурсным изобилием.

Так, авторы (Гуриев, Сонин. – *Прим. ред.*) переходят к собственному исследованию, обнаруживающему корреляцию «нефтяного проклятия» и свободы прессы в недемократических странах, в отличие от демократических, где корреляции между ними нет. И наконец, устойчивость института частной собственности, соотношение национализации и приватизации, вероятность экспроприации, непрозрачность корпоративных финансов. В итоге следствия «ресурсного проклятия» – снижение уровня образования, декалфикация рабочей силы, рост коррупции.

На мой взгляд, с данной позицией нельзя согласиться, за исключением тезисов о коррупции, непрозрачности корпоративных финансов (*Д. Карева*).

Нельзя, однако, отметить и здоровое зерно в идеях неортодоксальных сторонников теории «ресурсного проклятия». А именно, в каждой из ресурсно-экспортно-ориентированных экономик можно отметить довольно серьезные проблемы, обусловленные именно их специализацией и гипертрофированностью одной из отраслей и зависимостью от этой отрасли.

1. Укрепление валютного курса. В мелкой стране, где явно преобладает одна отрасль, это не имеет никакого значения, потому что вся экономика таких стран описывается следующим слоганом: «Нефть в обмен на продовольствие». Перестанет ли нигерийский абориген выращивать кокосы, если вдруг нигерийская найра станет дороже доллара? В России же, даже если в связи с относительным подорожанием продукции на мировом рынке, пострадают некоторые из отраслей народного хозяйства, стабильная в целом система может перестроиться и оставаться эффективной (или стать). Поэтому я не считаю этот эффект существенным и распространенным, но согласен с тем, что высококонкурентные экспортно-ориентированные предприятия с низкой маржинальностью, действительно могут страдать даже от незначительных колебаний курса национальной валюты, как в приведенном примере Колумбия vs. Бразилия (в статье Гуриева и

Сони́на. – *Прим. ред.*). Но, в свою очередь, это указывает лишь на неконкурентоспособность производства в данной стране, что чаще всего связано с использованием морально устаревшего оборудования на предприятиях в странах «третьего мира». Нет никаких доказательств того, что подушевой ВВП был бы выше, если бы не стало нефти или другого ресурса.

2. Отток квалифицированных кадров из непрофильных отраслей. Это действительно есть, и это действительно существенный фактор, что ясно и без регрессий. Однако в такой стране, как Россия, можно вырастить столько квалифицированных кадров, сколько требуется, и хватит для каждой отрасли, развитие которой будет хоть немного соответствовать национальным интересам. А в такой стране, как Нигерия, своих специалистов не было и нет.

3. Деградация общества. Это явление наблюдается практически повсеместно и не наблюдается лишь в тех странах, где деградировать нечему. Падение уровня образования, рост неравенства в развитых странах, а также заболеваемости болезнями, передающимися половым путем, – это лишь начало списка фактов, свидетельствующих о стремительной деградации всего мира, а не отдельных стран.

4. Рост авторитаризма – я абсолютно согласен с тем, что авторитарный режим может и будет опираться на доходы, полученные от ресурсной ренты. Однако не соглашусь с тем, что это свидетельствует о снижении уровня демократии. Напротив, авторитаризм есть, в первую очередь, стабильность политической системы и ясность государственного курса. Обычно исследователи, отмечающие усиление авторитарного режима, говорят об этом, подразумевая снижение уровня демократии. Так вот, снижение уровня свобод – это лишь редкое явление. Гораздо чаще установление авторитаризма – это окончание гражданской войны между олигархами и возвышение кого-то одного из них (*С. Оненко*).

Изначальная неконкурентоспособность ресурсных экономик вызвана отнюдь не избытием ресурсов, а множеством других разнородных факторов в их сложном сочетании (самый близкий для нас пример – российская экономика). Проблемы в развитии человеческого капитала имеют место во всех странах (следствие глобализации?) – но со своей спецификой. Думается,

что проблемы, порождаемые «нересурсным» богатством, в развитых странах мира ничуть не проще, чем проблемы стран, страдающих от ресурсного изобилия, просто они разные. По-видимому, очень верна и оценка авторитаризма как логичного исхода борьбы между олигархами, ставшими (как это происходило и в России) продуктом «скороспелой» демократизации общества и либерализации экономики.

А где доказательства «проклятия»?

По законам логики достаточно одного отрицательного примера, чтобы опровергнуть утверждение. Первый отрицательный пример – США, которые в начале XX века были не просто страной, богатой ресурсами, – экспорт нефти тогда являлся крупнейшей статьёй экспорта и источником «валютных поступлений». И тем не менее демонстрировали рост. В 1900 г. доля США в мировом ВВП достигла 10%. А уже к концу Второй мировой войны на США приходилось более 50% мирового ВВП! Следующий пример – Норвегия, которая еще в начале XX века была беднейшей страной Европы и лишь совсем недавно перешла в разряд наиболее развитых, благодаря разработке и экспорту нефтяных ресурсов Северного моря.

Теперь рассмотрим главное доказательство теории «ресурсного проклятия», взятое из статьи Сакса и Уорнера 2001 г.⁵. Действительно, если провести анализ по самым выпуклым точкам, то получится, что связь между наличием природных ресурсов и экономическим ростом обратно пропорциональна. С одной стороны – Сингапур, Гонконг, Тайвань и Южная Корея, с другой – девять отстающих стран: Габон, Мавритания, Бахрейн, Саудовская Аравия, Гвиана, Либерия, Гамбия, ОАЭ и Кувейт. Но если отбросить Сингапур, Южную Корею, Тайвань и Гонконг, которые демонстрировали бурный рост, то мы получим «ядро» из оставшихся стран, которые никакой заметной корреляции между

⁵ Sachs J.D., Warner A.M. Natural Resources and Economic Development. The curse of natural resources // European Economic Review. – 2001. – Vol. 45, Is. 4–6. – P. 826–838. – URL: <http://www.sciencedirect.com/science/journal/00142921/45/4>. Статья 2001 г. завершает серию доказательных (в пользу «ресурсного проклятия») публикаций указанных авторов, начатую в 1995 г. (Natural resource abundance and economic growth) и продолженную в 1999 г. (The big push, natural resource booms and growth).

долей сырьевой экономики и темпами роста не обнаруживают (Е. Черных).

...Существует ряд неоспоримых, по причине статистической доказанности, фактов, показывающих отсутствие зависимости экономического роста от ресурсных мощностей. А значит, и «ресурсное проклятие» является лишь некой попыткой объяснить парадокс условной бедности сырьевых держав в разрезе точечного прогноза...

Скорее, не избыточность или дефицит, а крайне неравномерное распределение природно-ресурсного потенциала между странами и регионами, а также сильный разрыв в логистике между очагами концентрации и потребления приводят к разнотемповости и неоднородности экономического роста в мире. Наверное, ошибочно связывать ликвидность ресурсов с показателями темпов роста ВВП. Так же, как и ошибочно считать «ресурсное проклятие» доказанным экономической наукой фактом (А. Айриянц).

Все, кому я пытался объяснить теорию ресурсного проклятия в первой (политизированной) постановке, приводят в пример Японию, как страну, где «отсутствие ресурсов привело к взрывному росту инноваций». Здесь можно обратиться к логико-историческому анализу и выяснить, что после Второй мировой войны в мире было две страны, обеспечивающих своими товарами все остальные страны мира, за счет чего и происходило развитие промышленности в этих странах. Учитывая тот факт, что работают японцы по 12 часов в день, а также развитую инфраструктуру и высокую склонность к сбережению, становится ясно, что отсутствие ресурсов было недостаточно сильным тормозом, но никак не двигателем вышеуказанной экономики. Хотелось бы заметить и то, что начиная с 1980 г. в Японии рост экономики практически нулевой, что связано с ростом конкуренции на промышленные и высокотехнологичные товары из остальных стран мира. Как видим, Япония такой же неподходящий пример (для доказательства гипотезы «ресурсного проклятия»), как и любой другой, какой только можно придумать.

При таких обстоятельствах считаю необходимым сразу четко обозначить свою позицию: первая точка зрения – настолько очевидный бред, что опровергать ее не считаю нужным. Второе: я признаю, что отдельные факты так или иначе могут казаться

примерами существования ресурсного проклятия. Третье: я так и не встретил ни одной работы признанного экономиста, где автор придерживался бы первой точки зрения. С. Гуриев также не придерживается подобной позиции и прямо говорит, что «в отличие от широко распространенного мнения, результаты данных исследований не доказывают, что страны, богатые ресурсами, жили бы лучше, если бы избавились от них». «Ресурсное проклятие» – это отрицательное влияние структуры экономики на темпы экономического роста (а не на уровень развития). Чтобы развиваться быстрее, нужно не уничтожить природные ресурсы, а заменить их другой продукцией. Другими словами, спорить особо-то и не о чем... (С. Оненко).

*Итак, рассмотрев известные доказательства гипотезы «ресурсного проклятия» в различных аспектах (историческом, логическом, статистическом), авторы сочли их недостаточно убедительными. Интересен вывод, который можно считать обобщающим и который гласит, что «неортодоксальные» сторонники теории «ресурсного проклятия» сами же и опровергают ее «сильную» версию. По нашему мнению, в цитате из работы Гуриева–Сонина уместно было бы вместо слова «заменить» использовать слово «дополнить»: чтобы развиваться быстрее, нужно **дополнить** природные ресурсы другой продукцией. Проблема ресурсоизбыточных стран не в том, что в их экономическом росте участвуют ресурсы, а в том, что не участвуют (или слабо участвуют) другие факторы.*

Интересна и оценка роли дефицита ресурсов в быстро развивающихся экономиках. Действительно, а что если дефицит ресурсов является не стимулом, а всего лишь недостаточно сильным тормозом для развития, которое подхлестывается множеством других факторов? То есть «ресурсное проклятие» приобретает свой адекватный смысл как «проклятие» моноотраслевой экономики с доминирующим ресурсным сектором. Соответственно, возникает вопрос: а почему происходит формирование такой узкоотраслевой структуры национальной экономики? И напрашивается ответ: виноваты плохие институты...

Не проклятие ресурсов, а проклятие институтов. Но каких?

Среди основных причин, определяющих отставание ресурсоизбыточных стран, специалистами выделяются следующие:

- 1) снижение конкурентоспособности других секторов экономики, вызванное увеличением реального обменного курса, которое связано с притоком в страну доходов от ресурсов;
- 2) высокая изменчивость доходов от продажи ресурсов на мировом рынке;
- 3) ошибки в государственном регулировании или развитие коррупции, связанные с притоком «легких» денег в экономику;
- 4) отсутствие настоящей мотивации и необходимости развития реального производственного сектора, так как сырьевые доходы позволяют относительно неплохо жить и при текущем государственном строе (застой и стагнация).

По моему мнению, главной причиной являются ошибки в государственном регулировании и охота до «легких» денег, притекающих в экономику. К последствиям я бы отнесла первый и четвертый пункт из перечисленных. Да, действительно, все эти причины приводят к отставанию обсуждаемых стран в экономическом развитии, но ядром все же является именно неосмотрительное поведение элиты общества.

Но это не все последствия, которые влечет за собой легкомысленность. Есть выражение: «бесплатный сыр бывает только в мышеловке». «Легкие» деньги и есть тот «бесплатный сыр». Если построить логическую цепочку, связывающую между собой приток доходов в страну, абсолютную удовлетворенность качеством жизни, отсутствие мотиваций для развития промышленных и других отраслей (в связи с тем, что страна располагает средствами для приобретения всего необходимого у остального мира) и образовавшуюся в результате всего этого зависимость от других стран, можно сказать, что страна становится не самостоятельным субъектом, который вовлечен в процесс международных отношений, а всего лишь «младенцем», жизнь которого напрямую и полностью зависит от таких отношений. В результате страна попадает в ловушку, из которой легко и безболезненно выбраться она уже не сможет. Причем в данном случае размер «зверька» не имеет значения. Проклятие может быть свойственно странам

с различными уровнями развития рыночной экономики и политической системы (А. Савельева).

В статье С. Гуриева и К. Сонина «Экономика “ресурсного проклятия”» авторы считают, что замедление темпов роста, прежде всего, связано с плохими политическими институтами внутри страны. Неразвитые политические институты используют нефтедоллары для поддержания собственной неэффективной деятельности, постоянно оттягивая необходимые преобразования в своей структуре. И этим порождается еще большая зависимость от ресурсов. В ситуации, когда в стране уже сложились развитые институты, доходы от нефти, напротив, расходуются на улучшение существующей структуры экономики, гармонично дополняя, поддерживая отлаженную деятельность институтов, как это происходит, к примеру, в Норвегии. Под «сильными» политическими институтами мы понимаем, прежде всего, такие, которые обеспечивают верховенство права, защиту прав и свобод граждан, общественный контроль над правительством. А «слабые» институты не соответствуют названным критериям.

В работе же В. Шмата «“Проклятие институтов” в сырьевой экономике» вина возложена не столько на несовершенство национальных институтов, сколько на качество внешних институтов взаимодействия между странами с различным уровнем экономического развития. А если быть точнее, причина, по мнению автора статьи, кроется в несовершенстве национальных институтов экономически развитых стран. Эти «сильные» институты хорошо справляются с контролем процессов внутри собственных стран, но не приспособлены для формирования отношений с отстающими странами. Беда стран третьего мира – в усиливающейся экономической зависимости от развитых стран, перерастающей в политическое подчинение.

На мой взгляд, обе рассмотренные причины имеют место быть. Богатство природными ресурсами представляют собой **вызов** для страны, позволяющий оценить жизнеспособность экономической и политической сферы. Ресурсное богатство создает соблазн для политиков ничего не делать, а бороться за перераспределение ренты. Они не думают о повышении темпов экономического роста, о росте конкурентоспособности страны, ее открытости, о создании эффективных институтов. Следствием

является более чем вероятное попадание в зависимость от развитых государств (*М. Морозова*).

Независимо от уровня ресурсной обеспеченности, действительно «проклятыми» являются те государства, которые по каким-то причинам не могут преодолеть экономическую отсталость. А развитые государства при условии наличия ресурсов проявляют все признаки несовершенства национальных институтов, распределяя природное богатство страны на внутреннее потребление, не учитывая процессы формирования отношений с третьим миром. Подобного рода политическое неравноправие чревато ресурсной борьбой посредством военных конфликтов (*А. Айриянц*).

Здесь уместно вспомнить и о данных, приведенных в работах И. Валлерстайна⁶: дистанция как в уровне технологического развития, так и уровне доходов, доле в мировом богатстве, между странами «ядра мир-экономики» и странами третьего мира во второй половине XX века возрастает. Объясняется это отнюдь не «ресурсным проклятием», а природой капиталистической «мир-экономики», политикой транснациональных компаний, имперской стратегией США (*Д. Карева*).

Идея того, что «проклятием» являются совсем не ресурсы, а именно зависимость от остального мира, в которую ресурсоизбыточные страны загоняют себя своей ошибочной государственной политикой в области экономического развития, раскрыта в статье В.В. Шмата, где говорится о зависимости стран третьего мира от держав «первого мира». Интересна позиция автора насчет того, что данную зависимость вызывают и поддерживают не только неразвитые или недостаточно хорошо развитые институты стран третьего мира, но и поведение элиты держав «первого», заключающееся в усиленной культивации и поддержке возникшей экономической зависимости. То есть мы видим, что развивающимся странам с их и без того неустойчивым и восприимчивым экономическим ростом очень сложно преодолеть это подчинение и слезть с «иглы зависимости» от своих развитых соседей, а это уже именно то, что и называется проклятием, настоящим проклятием, со скрытыми угрозами, которые станут

⁶ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. / Пер с англ. под общей ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.

явными в случае попытки неповиновения «третьего мира» своим властным соседям.

Институты держав «первого мира» не способны обеспечить равноправные отношения с развивающимися странами (только подчинение), в свою очередь, национальные институты стран третьего мира в своем развитии не настолько сильны, чтобы дать отпор... Получаем, что «проклятие институтов» приводит к возникновению «скрытого проклятия институтов», которое становится явным при попытке ресурсной страны третьего мира выйти из подчинения. Я назвала бы это «кабальным проклятием», а причинами обозначила:

- политику подчинения держав «первого мира», неспособность национальных институтов к равноправному взаимодействию с третьим миром;
- ошибки в государственном регулировании или развитие коррупции в ресурсных странах третьего мира, связанные с притоком «легких» денег в экономику;
- слабо развитые национальные институты и восприимчивое к внешним факторам экономическое развитие ресурсных стран третьего мира;
- и естественно, высокую изменчивость доходов от продажи ресурсов на мировом рынке.

Все это формирует отношения подчинения третьего мира «первому», которые и приводят к экономическому отставанию угнетаемых стран (А. Савельева).

*В целом авторы склонны более широко анализировать действие институциональных факторов, рассматривая их комплекс национального и наднационального уровня. В условиях глобального несовершенства институтов (включая институты взаимодействия между странами и национальными экономикими – причем находящимися на очень разных ступенях развития) природные ресурсы превращаются в своего рода **вызов**, требующий достойного ответа. Если таковой удастся найти, то ресурсы становятся «благословением», а если нет, то «проклятием». Развивая эту мысль, можно сказать, что «ресурсный вызов» обращен не к отдельным странам, правительствам, обществам, а ко всему мировому сообществу и его институтам, опосредующим межстрановые экономические и политические взаимодействия.*

А что же Россия?

На сегодняшний день в российской сырьевой промышленности сложилась во всех смыслах ситуация неопределенности, как со стороны недروпользователей, так и со стороны добывающих компаний. Не может быть сомнений, что в плане своей инвариантности отрасль, так или иначе, подчинена государству. Характер и сила связи такой зависимости – отдельный, весьма спорный вопрос. Россия – страна «второго мира» – находится, скорее, на перепутье в решении наболевшего вопроса о «сырьевой игле»: стать независимым, самостоятельным государством – «энергетической сверхдержавой» – или оставаться в полуколониальной зависимости от Запада, имея преимущества от копирования институциональной составляющей экономически и политически более сильных государств. Осознание институциональной слабости наряду с ресурсным богатством не позволяет России стать развитой страной с соответствующими макроэкономическими показателями, притом что ресурсный потенциал не аккумулируется в стране, а напротив, используется довольно эффективно.

Впрочем, и сам термин «проклятие ресурсов» в случае отечественной экономики логичнее было бы именовать «проклятием богатства»... В условиях слабых институтов рентоориентированное поведение фигурирует почти во всех отраслях экономики. Всё трансформировалось в источник рент для их обладателей – даже корпуса бывших научно-исследовательских организаций сдаются в аренду и приносят ренту. Проблема «проклятия богатства» состоит в нерациональности использования ресурсов и встраивании этого использования в систему институтов (А. Айриянц).

Россия – не просто страна, богатая природными ресурсами, но и весьма интенсивно эти ресурсы эксплуатирующая. Однако ресурсное богатство должным образом не перерастает в богатство народа, граждан страны. Почему так происходит? В чем «дефект» российской экономической, а точнее, политико-экономической системы?

Авторы приходят к обобщению, что рентоориентированный тип поведения в России приобрел всеобщий характер, что накладывает особый отпечаток на использование любых активов и ресурсов, делая их подобными природным, т.е. приносящим ренту. Это является результатом институциональной слабости, которая, в свою очередь, во многом обусловлена не слишком

удачными попытками копирования или переноса («трансплантации» – по Полтеровичу⁷) успешных институтов, сложившихся в развитых странах с рыночной экономикой. Альтернатива этому пути – построение «энергетической сверхдержавы», т.е. реализация очень сложной – с серьезными шансами на успех и высокими рисками – парадигмы или стратегии развития, опирающейся на использование нашего уникального природно-энергетического потенциала.

...Считаю, что определенную роль в этом играет мышление нашего народа. Неблагоприятный для земледелия климат и география наложили на это отпечаток. Многие надеются на высшие силы и верят, что все произойдет так, как предписано. Поэтому нет того большого трепета к усилиям труда и небольшая вера в то, что от человека что-то зависит.

Коммунизм в нашей стране усилил человеческую веру в это. От людей зависело малое, и человек жил как мог, зарабатывал свои деньги, так же, как и много тысяч лет назад. Но и после распада Союза люди не научились жить не по указам, быть самостоятельными, работать с утра до позднего вечера, как в Японии. Поэтому проблема «нефтяного проклятия» перекликается с нашим мышлением (Д. Прохорова).

Следует, наверное, согласиться с авторами, что ментальный фактор тоже играет немалую роль, но менталитет нации является продуктом длительной эволюции и формируется в процессе сложного взаимодействия различных институтов – экономических, общественных, государственных.

Как избавиться от «проклятия»?

Существуют разные мнения о запасах нефти. Интересен тот факт, что каждый раз временной период, который отводят на исчерпание нефти, «своевременно» продляют. Но по сути говорится не о залежах нефти, а о запасах, которые имеются (в том числе – у России), которые выгодно извлекать на настоящий момент времени. Для выявления таких месторождений требуются большие трудозатраты и большие финансовые ресурсы на поиск залежей.

⁷ Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. – 2001. – № 3. – С. 24–50. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/ecr/msg/16710957.html>.

Есть популярная гипотеза «нефтяного пика» (пика Хабберта), которая говорит о том, что мир проходит или уже прошел пик добычи нефти, так как прирост добычи нефти с 1960-х превосходит прирост запасов. Но гипотеза применима только к запасам традиционной нефти на суше. Поэтому пока нет единого мнения, будет ли оправданна гипотеза Хабберта с учетом новых технологий и куда следует сдвинуть время прохождения «пика»⁸.

Ясно одно, что в ближайшее время добыча нефти будет производиться. Но главная проблема в другом, и о ней уже несколько лет говорят эксперты: при некачественных институтах почти невозможно создать инновационную экономику, с иным социально-экономическим уровнем жизни страны.

Предпосылок резкого роста цен на нефть пока нет, и если этого не произойдет, доход от продажи нефти, вероятно, снизится. В целом более чем понятно, что **добывать нефть без внедрения новых технологий невозможно** – как с технической точки зрения, в силу особой сложности новых месторождений и исчерпания старых, так и с экономической, потому что в других странах конкуренты быстро внедряют инновационные технологии и получают преимущество перед Россией. А тема «ресурсного проклятия» будет актуальной еще многие годы (Д. Прохорова).

Если говорить об эксплуатации ресурсов, то нужно признать, что России от этого не уйти, да и незачем уходить. Почему бы не использовать на благо населения страны то, что дано природой? Здесь авторы точно подмечают разницу между ресурсами и запасами полезных ископаемых (в нашем случае – нефти), которые представляют собой часть ресурсов, пригодную для промышленного освоения. Но и ресурсы, и запасы

⁸ В русскоязычной литературе часто можно встретить не вполне корректный перевод с английского. Правильнее, наверное, говорить о кривой Хабберта (Hubbert peak), поскольку автором данной теории является американский геофизик Marion King Hubbert (Мэрион Кинг Хабберт).

Взвешенный критический анализ теории Хабберта содержится в статье французского инженера-нефтяника Жана Лаэзера: *Laherrere J.H. The Hubbert Curve: Its Strengths and Weaknesses.* – URL: <http://dieoff.org/page191.htm>. Можно напомнить, что Лаэзер является соавтором весьма известной статьи «Конец дешевой нефти», опубликованной в SciAm в 1998 г.: *Campbell Colin J. and Laherrere Jean H. The End of Cheap Oil // Scientific American.* – 1998. – March Is. – P. 78–83. – URL: <http://www.scientificamerican.com/magazine/sa/1998/03-01/>

в недрах – это всего лишь потенциал. Реальными экономическими активами становится лишь то, что осваивается, включается в хозяйственный оборот. Границы запасов очень подвижны и зависят от множества факторов, включая технологический, и сегодня перспективы освоения ресурсов во многом определяются степенью инновационности технологий. Таким образом стыкуются два, казалось бы, альтернативных пути в развитии российской экономики: ресурсный и инновационный. Дальнейшее освоение ресурсов требует инноваций, создает платежеспособный спрос на инновации – без чего отечественный инновационный сектор не сможет полноценно развиваться. В свою очередь, достаточность и надлежащее качество продуктов инновационного сектора создают основу для действительно эффективного освоения ресурсов в национальных интересах России.

Как же избавиться от «нефтяного проклятия»? Выход один – изменение политических институтов в пользу «сильных», подразумевающих подотчетность правительства, расширение прав граждан на участие в общественной жизни государства. Возможно, этот процесс займет десятки, если не сотни лет. Но другого пути у нас, видимо, нет (М. Морозова).

Россия – далеко не Ангола и не «Гондурас с баллистическими ракетами», далеко не страна третьего мира, она имеет не только нефть, газ, лес и воду, но и традиции качественного образования, научные достижения мирового уровня. Как раз наличие природных ресурсов в сочетании с интеллектуальным потенциалом и политической волей, на мой взгляд, позволяют надеяться на успешное и динамичное развитие российской экономики (Д. Карева).

Движение по пути эффективного ресурсно-инновационного (или инновационно-ресурсного) развития, сочетающего использование природных ресурсов с интеллектуальным потенциалом, требует проведения глубоких и комплексных институциональных реформ. В свою очередь, для такового реформирования нужна сильная политическая воля со стороны государства. Власть должна отказаться от роли пассивного наблюдателя за происходящими процессами, прежде всего в сфере становления и развития институтов, и стать реальной направляющей силой. Иного пути у нас нет, если мы, на самом деле, не хотим

превратиться в «заснеженную Венесуэлу»⁹, или того хуже – в «Гондурас с баллистическими ракетами».

Отказаться от поиска легких путей

...Утверждаю, что существует негативный эффект, оказываемый финансовыми секторами отдельных стран на развитие институтов финансов в этих же странах. В качестве примера хочу привести финансовые кризисы в Америке (2008–2009 гг.) и Японии (1989–2013 гг.), обусловленные чрезмерным развитием финансовых секторов. Согласно моей теории «финансового проклятия», в странах, где финансовый сектор развивается чересчур быстро, он через какое-то время стагнирует или даже рецессирует. То есть чем вам лучше, тем вам хуже. Предлагаю всем известным экономистам мира поискать регрессии, подтверждающие это наблюдение, написать об этом пару сотен работ и высказаться о том, что в странах, где людям слишком хорошо живется, невозможно ничего сделать, так как общество потребления загнивает и становится неспособно решать проблемы (С. Оненко).

Вполне вероятно, что парадокс «финансового проклятия» (а можно его окрестить и парадоксом «постиндустриального проклятия») заслуживает самого серьезного изучения. Тем более что, в отличие от «ресурсного», такое «проклятие» оказывает не локальное, а глобальное воздействие – больно бьет по «третьим» странам, не имеющим непосредственного отношения к источникам возникновения кризисов.

В заключение хотела бы пояснить, что в моем понимании «ресурсное проклятие» – это весьма расплывчатое определение. Те проблемы, которые понимаются под ним, обусловлены вовсе не большими запасами ресурсов, хотя в некоторых случаях они и могут стать поводом для трудностей в экономическом развитии, а ошибочным и неосмотрительным поведением правящей элиты в их (ресурсов. – Прим. ред.) отношении. Да и всего общества в целом. Жажда наживы, большого благосостояния

⁹ По определению Уильяма Томпсона, который не без оснований полагает, что Россия пока еще успешно справляется с этой угрозой: Томпсон У. Снежная Венесуэла? «Ресурсное проклятие» и политика России // ПрогнозиС. Журнал о будущем. – 2008. – № 1 (13). – С. 150–174. – URL: <http://www.intelros.ru/readroom/2813-prognozi931-113-2008.html>

и власти очень часто становятся определяющими факторами в направлениях экономического развития. Хорошо бы это еще сочеталось с благоразумием и способностью рационально мыслить хотя бы у той части страны, которая «стоит у штурвала». Но, к сожалению, ожидаемое не всегда совпадает с действительностью. Необдуманность и спонтанность действий приводят к тяжелым последствиям, которые сильно тормозят подъем и процветание развивающихся экономик, попадающих в результате под гнет своих развитых соседей. Поэтому совсем не в ресурсах дело. И искать истоки проблем в дарах природы совсем неразумно, как и искать способ развития своей страны, выбирая **самые легкие и беспрепятственные пути**. Говорят же, «бесплатный сыр – только в мышеловке» (А. Савельева).

*Что ж, не по-юношески серьезный вывод. Попытки найти «легкие пути» заводят в тупик, в чем мы убеждаемся на собственном опыте. Россия свой лимит таких попыток уже исчерпала в ходе преобразований, которые длятся в нашей стране без малого 30 лет. Движение по пути реформ дается очень непросто, и сегодня требуется **политическая воля** для того, чтобы внести серьезные коррективы в процессы экономических преобразований, отказаться от дальнейшего поиска «легких путей». Пора начинать целенаправленные – глубокие и обширные – преобразования, ведущие к построению современной во всех отношениях (структурном, технологическом, институциональном, социальном) экономики, способной достойно отвечать на «ресурсный вызов».*